

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-23>

УДК 316

Attribution

cc by

ТРАДИЦИОННАЯ МАСКУЛИННОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ
РОССИЯН: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА (СТАТЬЯ 1)

Тамбиянц Ю.Г., Лугинина А.Г., Токарев К.К., Моспан К.А.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация Статья представляет собой первую часть исследования традиционной маскулинности, воспринимаемой как своего рода стратегический социальный ресурс. Традиционная маскулинность определяется как комплекс базовых императивных требований, устанавливающих определенный образец мужского поведения. Исторически сложилось, что традиционная маскулинность обеспечивает долгосрочный потенциал конкретного общества, выступая одной из составляющих социокультурного фундамента и обеспечивая желательный вектор социализации представителей психотипа гармоничных личностей, количественно преобладающих над другими психотипами – пассивными и субпассивными. Помимо этого, нормы традиционной маскулинности закладывают жесткость и устойчивость семейных институтов, содействуя решению проблематики социального воспроизводства. На современном этапе, в контексте глобальных политкорректных трендов, традиционная маскулинность получает серьезный вызов от набирающих популярность альтернативных семейных форм – партнерской семьи, предполагающей не жесткие, но размытые принципы внутренней организации.

Ключевые слова: гендер, традиционная маскулинность, эссенциалистские и конструктивистские источники, традиционная семья и партнерская семья; гармоничные личности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRADITIONAL MASCULINITY AS A PHENOMENON OF SOCIAL CONSCIOUSNESS
OF RUSSIANS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS (ARTICLE 1)

Julian G. Tambiyants, Anna G. Luginina, Kirill K. Tokarev, Konstantin A. Mospan

Kuban State Agrarian University named after. I.T. Trubilina

Abstract. This article represents the first part of a study of traditional masculinity, perceived as a strategic social resource. Traditional masculinity is defined as a set of basic imperative requirements that establish a specific pattern of male behavior. Historically, traditional masculinity has ensured the long-term potential of a particular society, serving as one of the components of the sociocultural foundation and providing a desirable vector for the socialization of representatives of the harmonious personality type, which quantitatively predominates over other personality types—passive and subpassive. Furthermore, the norms of traditional masculinity establish the rigidity and stability of family institutions, facilitating the resolution of problems of social reproduction. In the current context of global politically correct trends, traditional masculinity is facing a serious challenge from increasingly popular alternative family forms—partner families, which imply less rigid, but more vague principles of internal organization.

Key words: gender, traditional masculinity, essentialist and constructivist sources, traditional family and partner family; harmonious personalities.

Funding: Independent work.

Введение.

Нет смысла сомневаться в переходном характере нынешней социальной действительности, что ощущается как на глобальном цивилизационном уровне, так и в национальных рамках.

Интересная ситуация складывается применительно к отечественному социуму, который поставлен перед фактом множащихся внутренних и внешних вызовов. Не вдаваясь подробно в их сущность, отметим, что фундаментальным условием адекватных ответов является спаянность и консолидация российского общества, причем, как по вертикали, так и по горизонтали.

Между тем, для современности характерны определенные тренды, вектор которых направлен как на общественную дезинтеграцию, а порой - и на социальную атомизацию. В широком смысле, речь идет о эпохе постмодернизма, инициирующем распад метанарративов (Ж. Лиотар), полистилистическую культуру (Л. Ионин), «текущее общество» (З. Бауман).

Сущностно постмодерн враждебен любым феноменам, имеющим традиционные корни, и, напротив, приветствует все новое нестандартное. Своеобразной «рекламной вывеской» формируемой постмодерном действительности может считаться западное общество, которое российский социальный философ Л. Г. Ионин описывает в терминах восстания разно-

образных социальных меньшинств [11]. В подобной ситуации ранее устойчивые культурные нормативы переживают буквальные метаморфозы. Например, исторически четко фиксированные мужские и женские феномены сближаются, перемешиваются, отражением чего выступает распространяющийся феномен андрогинии. Более того, по точному замечанию немецкого мыслителя Н. Больца: «Геи, женщины и холостяки лучше приспособлены к новым кооперативным, постиндустриальным структурам, чем мужчины с традиционной ориентацией и классические семьи» [1, с. 76]. Вместе с тем, данное обстоятельство оценивается научным истеблишментом неоднозначно, как критично (Н. Больц, А. Гат), так и вполне желательно (Р. Флорида).

В данной работе мы собираемся обратить внимание на феномен, который относится как раз к ряду явлений, атакуемых постмодерном. Речь идет о традиционной маскулинности, выступающей объектом критики теоретиков феминизма, а также ученых-социологов, симпатизирующих феминизму (И. Кон, А. Темкина, Е. Здравомыслова и др.).

В рамках этого дискурса, бытует понятие «токсичная маскулинность», под которой подразумеваются исторически сложившиеся нормативы мужского поведения, навязываемые в виде императива всем представителям «сильного пола», несмотря на то, что гендерная революция (термин И. Кона) объективно стирает различия гендерных ролей, чем ставит под сомнение универсальность подобных нормативов [12].

В противовес подобному видению, нам представляется уместным указать на следующие обстоятельства.

Во-первых, в тех обществах, где традиционная маскулинность ослабляется (в первую очередь - это Запад), происходит не столько трансформация, сколько деформация гендерных отношений, что отражается на кризисе института семьи обострении демографической проблематики (Д. Бьюкенен, Г. Хайнсон, Ф. Зимбардо). Российское общество, которое не обходят постмодернистские влияния, вовсе не лишено обозначенных явлений, безусловно деструктивных особенно в долгосрочном отношении.

Во-вторых, западный социум стремительно теряет дух пассионарности, что наглядно иллюстрируется мигрантской проблемой в этих странах, одной из граней которой является то, что приезжие преимущественно из мусульманских стран, где традиционная маскулинность никак и никем не оспаривается, в конфликтах индивидуального и группового характера с местным населением имеют над ним полное превосходство. Автохтонные жители оказываются фактически размотивированными на борьбу с мигрантами, всячески уступая им [22].

В связи с этим, *цель* настоящей работы мы формулируем как определение характеристик традиционной маскулинности в качестве, прежде всего, мировоззренческого духовного феномена отечественной социальной действительности. Рамки статьи за-

ставляют нас ограничиться только современной ситуацией.

Отсюда вытекают следующие последовательно реализуемые *задачи*:

во-первых, уточнить источники и содержательное наполнение традиционной маскулинности;

во-вторых, обосновать ключевое функциональное назначение традиционной маскулинности;

в-третьих, выявить значение традиционной маскулинности в качестве составляющей социального сознания российской молодежи, что предполагает опору на данные собственного эмпирического исследования.

Молодежный сегмент нами избран в силу того, что это наиболее мобильная и динамичная часть нашего общества [8], для которой характерна гибкость социальных установок и более открытое восприятие внешних влияний, а также ориентация на перспективу. Изучение молодежного сознания представляется адекватным с точки зрения стратегической информации.

Обсуждение. Результаты.

Маскулинность принято интерпретировать как комплекс телесных, психических и поведенческих черт, присущих именно мужчине, отличающих его от женщины, наделенной чертами феминности.

Существуют логически связанные с маскулинностью понятия, и наиболее расхожими в публичных дискурсах являются, пожалуй, брутальность, мужественность. Брутальность (с латинского – «зверский»), выступает наиболее жесткой вариацией маскулинности. Категория «мужественность» может как отождествляться с маскулинностью [17, с. 25], так и несколько расходиться по смыслу.

В нашем понимании, мужественность есть скорее социально-психологическое явление, представляющее некую внутреннюю черту характера, особенностью которой выступают твердость, настойчивость в ходе достижения поставленных целей, преодолевая внешние и внутренние препятствия и барьеры. В категории «маскулинность» на первом плане больше социокультурная составляющая. По другому, в случае с мужественностью не допускается различие между «быть» и «казаться», тогда как, с маскулинностью такое в принципе не исключается.

Научное осмысление маскулинности, в значительной степени, является заслугой гендерной социологии, где методологические разработки балансируют на стыке двух парадигм – эссенциалистской и конструктивистской. Если первая, в трактовке маскулинности, феминности и гендера, в целом делает ставку на изначально заданные (или естественные) предпосылки формирования мужских и женских черт сознания, внешнего облика, поведения и пр., то вторая в качестве источника упирает на внешние искусственные влияния.

Мы считаем плодотворным синтез обоих подходов, который исчерпывающе выразил Х. Г. Тхагапсоев в определении гендера. Последний обязательно включает никуда не девающийся биологиче-

ский источник, но, в то же время, предполагает ролевое культурное амплуа (что изучается социологами, культурологами, специалистами по педагогике), а также меру маскулинности и феминности человека. «Гендер – это сумма, синтез и сплав всех указанных факторов, а также результат влияния социокультурного контекста бытия человека на его личность и самосознание» [22, с. 312].

Неким соединительным мостом между эссенциализмом и конструктивизмом может считаться категория гендерной ментальности, где заметна психофизиологическая составляющая.

По мысли А. Чернышевой и А. Спириуговой, основа гендерной ментальности заключается в протонимических структурах — архетипах коллективного бессознательного, возникающих в древности, которые, сохраняясь в сознании современного человека, обуславливают универсальность его мышления с позиции маскулинности или феминности [23, с. 9].

В гендерной ментальности наверняка находят своеобразное отражение так называемые этнические архетипы – в отличие от универсальных архетипов представляющие собой более узкие и специализированные восприятия действительности, где отражается не опыт человечества в целом, а специфический опыт определенных групп людей [22].

Тем самым, уже на стадии формирования культурной почвы могли возникать и возникали особые ментальные характеристики, культурные коды и пр., накладывая определенный отпечаток на стандарты маскулинности.

Вместе с тем, следует признать, что объективные условия усиливают значение конструктивизма – речь идет прежде всего о расширении информационно-манипулятивных возможностей, посредством которых гендерная составляющая общественного сознания прежде всего западного социума была подвергнута деформации и эклектизации. Это удачно иллюстрирует Н. Больц: «Если раньше мужественность воспитывала и защищала от страха, то сегодня она должна реагировать на делегитимацию самой себя» [1, с. 79].

Так или иначе, но объективно маскулинность подвержена все большей вариативности, что констатируют классики гендерной социологии.

Д. Гилмор рассматривает маскулинность как символический текст, бесконечно переменчивый культурный конструкт [5].

И. Кон пишет: «Разные маскулинности – это ...разные типы социальных идентичностей, их гендерные параметры неразрывно связаны с социально-экономическими и культурными параметрами» [12, с. 93].

Р. Коннел считает, что применительно к современному обществу нельзя признавать наличие единого универсального образа маскулинности. Следует говорить не о маскулинности, а о «маскулинностях», так как разные культуры и разные периоды истории конструируют гендер по-разному, причем

разнообразие зачастую существует в рамках одной и той же социальной среды [12, с. 91-92].

Предлагаются и иные срезы маскулинных различий как, например, в трудах И. Булычева, где обращается внимание на несхожие маскулинные нормативы в разных возрастных категориях [2].

Нет смысла спорить с тезисом о количественно расширяющихся маскулинных типах; тем не менее, связанные с психофизиологией универсалии, всегда будут проявлять себя в качестве некоего поведенческого или, во всяком случае, социокультурного фундамента. К последнему максимально приближен феномен *традиционной маскулинности*, который мы рассматриваем в качестве своеобразного общего знаменателя для всех многочисленных вариантов маскулинности.

Как нам представляется, именно на стадии становления культурной почвы, имеющей архетипический замес, формировались структуры жестких моральных предписаний поведению мужчин, которые впоследствии заявили о себе в качестве моральных кодексов. Например, кодекс адыгэ-хабзе – ценностная база черкесских народов; кодекс пуштунвалей, который намного старше ислама и укоренен еще в древней истории среднеазиатских народов: саков, кушан, эфталитов.

Традиционную маскулинность принято сводить к четырем ключевым стандартам или нормам.

Во-первых, мужчине следует избегать женских проявлений («Без бабства»).

Во-вторых, мужчине следует добиваться успеха, опережая других мужчин («Большой босс»).

В-третьих, мужчина обязан быть сильным, не проявляя слабости («Крепкий дуб»)

В-четвертых, мужчине следует стараться стать «крутым» и не бояться насилия («Задай им жару») [12, с. 76].

В некоторых современных исследованиях этот перечень количественно расширяется вплоть до десяти сильных мужских черт [13]. В то же время, специалистам по проблемам маскулинности свойственно стремление выявить некий феномен в качестве общей константы, пронизывающей все основные вариации маскулинности.

Например, И. Кон предпочитает выдвигать в качестве общего принципа маскулинности достижение, то есть желание и способность опередить других, а в чем именно ты преуспеешь – в физической силе и ловкости, практической сметке или духовном самоотречении – зависит от норм культуры, исторических обстоятельств и индивидуальных свойств [12, с. 89].

И. Костерина считает таковым «общим знаменателем» физическую силу и успех у женщин, то есть крайняя гетеросексуальность – старое, но хорошо проверенное средство самоутверждения [13].

Тем самым, традиционная маскулинность рассматривается в виде комплекса базовых императивных требований, устанавливающих определенный образец мужского поведения. Предполагаемая жест-

кость подобных нормативов в определенной степени есть фактор некоей неустойчивости маскулинного статуса – репутация «настоящего мужчины» может быть утрачена [25, с. 19]. То есть, для поддержания, соответствующего маскулинного образа необходим постоянный внутренний самоконтроль и значительные усилия.

Уместно указать на диалектическую взаимосвязь мужского и женского начал, предполагающей значительное участие собственно женщины в процессах формирования маскулинности, что подкрепляется историческими и социальными фактами. Например, уже в древнейшие времена, а также и в более близких к современности традиционных обществах войны, зачастую, начинались, в том числе из-за женщин. Победители обычно захватывали женщин побежденных, превращая их в любовниц и рабынь, а иногда и в жен [7, с. 132].

История свидетельствует о том, что в ходе межгосударственных войн взятие городов неизменно сопровождалось насилием в отношении женщин. Следует предположить здесь культурно-психологическое обоснование – взятие женщины врага воспринималось победителями как дополнительный символ победы. Исторически это находило своеобразное отражение в воинской ментальности, что лаконично выразил профессиональный военный испанского Иностранного легиона капрал Белали, определяя конец пути солдата: «Кто-то заберет твою винтовку, кто-то снимет с тебя часы, кто-то ляжет с твоей женщиной. Судьба» [19, с. 216].

С другой стороны, женский фактор конструирующих маскулинность механизмов проявлялся и на уровне оценок и предпочтений. Здесь можно сослаться на известную концепцию «зеркального Я» Ч. Кули, согласно которой самообраз или Я-концепция во многом формируется под воздействием оценок окружающих [14, с. 133-134].

Фактор женской оценки в процессах саморегуляции маскулинных качеств, особенно если ситуация предполагала их актуализацию, играл весьма значительную, если не ведущую роль. Об этом пишет социальный антрополог М. Дэйви: «Когда война считалась частью общественной морали, когда в мужчинах ценились и уважались военные качества, женщины усиливали значение обычаев, прославляя эти качества. Высмеивая и унижая слабых, они выполняли функцию социального контроля в примитивном обществе» [7, с. 134].

Что касается проблематики социальных функций традиционной маскулинности, то наиболее остро в настоящий момент она ощущается в области семейных отношений. Принципы традиционной маскулинности лежали в основе внутрисемейного разделения труда, которую теоретики феминизма трактуют как иерархическую – сильная сторона (мужчина) подавляет слабую сторону (женщину), навязывая ей выгодные первой правила и рамки; в то время как находящиеся вне феминистского дискурса ученые (Н. Больц, Н. Чуркина, А. Спириугова, А. Чернышева, И.

Булычев и др.) видят здесь не иерархический, но асимметричный взаимодополняющий смысл. Как отмечает Н. Больц, если женщина лучше умеет обходиться с детьми, то мужчина выгоднее чувствует себя в конкурентной борьбе и пр., и подобная специализация в итоге приносит двойную выгоду, так как продуктивность растет в обеих областях [1, с. 91-92]. Уже в трудах античных мыслителей (Ксенофонт, Аристотель) мужская сущность воспринималась как дела «вне дома» – военные походы и пр., в то время как женская сущность увязывается именно с внутренними домашними делами.

Как известно, под влиянием объективных сдвигов в сторону все большей схожести социального участия мужчины и женщины, (своего рода гендерной революции) [12, с. 98-103]; а также политико-идеологического проекта политкорректности традиционная семья уступает место новому типу – партнерской семье, в которой жесткие нормативы не предусмотрены. Тем самым в семье партнерского типа основным добытчиком и кормильцем вполне может выступать женщина, а мужчина, соответственно, заниматься домом, нянча детей.

Апологет «гендерной революции» (масштабных тенденций в современных цивилизационно продвинутых обществах, характеризующихся изменением социальных раскладов в пользу женщин – образования, карьеры и пр.) И. Кон признает возникающие ролевые метаморфозы – если раньше мужчина конкурировал с мужчиной, а женщина с женщиной, то сегодня мужчины и женщины вступили в жесткую конкуренцию друг с другом. Причем, конкурентную борьбу между полами И. Кон объясняет с позиции марксизма – женщины как угнетенная группа стараются изменить и успешно меняют традиционный пронизанный патриархатом гендерный порядок, мужчины, как господствующий слой, соответственно, в этом не заинтересованы. В то же время, его обобщающая оценка всех этих процессов выдержана вполне в либеральном духе: «важно иметь в виду, что конкуренция о которой идет речь есть также форма кооперации, от которой выигрывает в конечном итоге все общество» [12, с. 99]. Однако пока объективные факты никак не подтверждают подобное утверждение.

Итог «феминизации» гендера, «делигитимации мужественности» (термин Н. Больца) выражается в том, что западные мужчины превращаются в мало пригодный материал для создания семьи с точки зрения эмансипированных женщин. Дополнительным обстоятельством выступает обесценивание материнства, на что указывал уже два десятилетия назад американский политолог, дипломат и публицист П. Дж. Бьюкенен. Естественное для женщины желание материнства сейчас подавлено с одной стороны карьерными соображениями, а с другой – усиливающимися леволиберальными идеологическими трендами, ратующими за дальнейшую эмансипацию. «Как следствие, институт семьи начал отмирать. А с этим институтом начала отмирать, и Европа». По данным П.

Бьюкенена, на то время уровень рождаемости в Европе снизился до 1,4, в то время, как только для сохранения численности требуется уровень 2.1. Отсюда, НАТО вскоре предстоит защищать «обширный мир пенсионеров» [3, с. 27-28].

Далее, мы намерены обосновать наш собственный взгляд на одну из ключевых функций традиционной маскулинности, имеющей важное если не вообще решающее стратегическое значение для всего социума.

В рамках нашего подхода, мы исходим из факта качественных различий людей в духе эссенциализма, что неоднократно осмыслялось в некоторых философских и научных построениях. Более того, такого рода установка имеет опыт идеологической и политической реализации (расовая концепция теоретиков НСДАП).

В рамках конструирования идеологических форм, разумнее, судя по всему, апеллировать к равенству людей, а вот в науке наличие разных антропологических типов полностью игнорировать трудно, следовательно, это так или иначе принимается в расчет в большинстве работ, исследующих вопросы маскулинности (И. Кон, Н. Чуркина, И. Костерина др.).

И. Кон абсолютно прав, утверждая, что образы «настоящих мужчин» создаются и поддерживаются культурой, однако, «разные каноны маскулинности неодинаково импонируют разным типам мужчин и имеют свои психофизиологические конституциональные основы». Тем самым, фиксированные маскулинные нормы могут ставить в неравное положение людей, обладающих требуемыми задатками в различной степени [12, с. 115, 446].

Вопрос о качественных различиях интересов некоторых известных мыслителей; еще с древних времен (Ибн-Хальдун), в рамках присущего каждому предмета исследования.

Экономист и социолог В. Зомбарт, например, выделял довольствующихся тем, что есть представители лени, и готовых на риск авантюристов [9].

В рамках историко-социологической концепции Т. Веблена, социальные различия накладываются на качественные – представителям элитных групп свойственно обладать боевым (хищническим) духом к воинственности, риску, героизму, тогда как представители более низших страт склонны к более спокойной мирной жизни [4, с. 245].

Вполне закономерно, что подобные качественные различия дополнительно актуализируются в условиях войны. Так, эксперт в области военной социологии В. Серебрянников берет за основу степень воинственности, утверждая её психофизиологический источник, в связи с чем, он выделяет тип людей с «военной» косточкой, который выделяется на фоне всех остальных [21, с. 26].

Мы склонны взять за основу известную историко-социологическую теорию пассионарности Л. Гумилева, охватывающую куда большие пласты общественных отношений, чем только военная сфера. Л. Гумилев трактовал пассионарность как необоримое внутреннее

стремление к целенаправленной деятельности, всегда связанное с изменением окружения, общественного или природного, «причем достижение намеченной цели представляется ... даже ценнее собственной жизни» [6, с.339-340]. Из этого вытекает классификация людей на три психофизиологических типа, различающихся степенью наполненности пассионарным духом – пассионарии, субпассионарии, гармоничные личности (гармоники).

Особенность пассионарности оппонировать инстинкту самосохранения развивает современный исследователь Т. Ибатуллин применительно к военной сфере. Пассионарии есть особи, поведенческий импульс которых превышает инстинкт самосохранения; у субпассионариев дела обстоят ровно наоборот; наконец, гармоники являются теми особями, инстинкт самосохранения и импульс поведения которых примерно сопоставимы, а по ситуации берет верх тот или иной [10, с. 539].

На наш взгляд, для некоторой конкретизации природы указанных психофизиологических типов можно привлечь подход И. И. Булычева, который констатировал природный факт наличия в конституции мужчин женских генов, а у женщин — мужских, что обычно имеет естественное поведенческое отражение [2].

Принимая это в расчет, есть смысл предположить различное соотношение мужских и женских генов в представителях различных гумилевских психотипов. Если пассионарий легче усваивает маскулинные феномены, а субпассионарий – феминные, то гармоник способен воспринимать и те, и другие, а в какую сторону будет уклон – во многом уже зависит от внешнего контекста.

Закономерно, что гармоники нередко могут демонстрировать поведенческие противоречия, что удачно выразил герой романа А. Переса Реверте капитан Баскуньяна: «Один и тот же человек может драться как лев, а через полчаса удирать как заяц» [20, с. 285].

Отсюда, необходимо признать – то, в какую сторону будет направлен поведенческий вектор гармоников, зависит от внешних стимулов или конструктивных факторов и, прежде всего, от навязанных средой нормативных стандартов. Такая мысль содержится в концепции постгероического общества современного немецкого социолога Г. Мюнклера. В том случае, если общество не собирается чтить воинственность и героический дух, неизбежно их девальвация и падение социальной популярности, а община героев поглощается негероическим обществом [18, с. 166].

Несколько отвлекаясь от темы, отметим, что подобного рода процессы происходят сейчас в западном социуме, и это, вкупе с упадком семьи и рождаемости, снижает его воинственный потенциал, что, впрочем, Запад намерен компенсировать технологическим превосходством.

Но психотип гармоников количественно превалирует в любом обществе, многократно превосходя

представителей двух других категорий вместе взятых. Гармоничные личности во многих аспектах имеют для общества решающее значение, придавая обществу определенную стабильность, а также последовательное, без рывков, развитие [6, с. 371-372]. Потенциал гармоников бесспорно играет ключевую стратегическую роль для социума.

Следовательно, именно гармоники, по сути, являются главным объектом воздействия нормативов маскулинности, а также всех остальных феноменов, так или иначе выступающих поведенческими стимулами.

Как указывает современный классик исторической социологии М. Манн, массовое вовлечение к участию в Первой мировой войне обеспечивалось в союзе милитаристской культуры, политической идеологией национализма, в те времена представляющей сдерживающий фактор влиянию социалистических доктрин, давление социума в целом [16, с. 201-202].

Какова же здесь роль именно традиционной маскулинности? Мы считаем, что она составляет, своего рода, ценностный фундамент, ту благоприятную почву, на которую затем падают более конкретизированные идеи – усваиваются политические идеологии, формируется чувство патриотизма.

Прежде всего, традиционная маскулинность конструирует мужскую идентичность с присущими ей традиционно мужскими качествами.

Традиционная маскулинность была тесно связана с воинскими кодексами, выступая их составной частью, а то и основой. Главным образом, именно кодексы обеспечивали формирование и поддержание воинственности гармоников, вынося жестокий приговор субпассионариям, о чем рассказывается в известной поэме М. Лермонтова «Беглец»: «Ты умереть не мог со славой, так удались, живи один... ты раб и трус – и мне не сын!..» [15, с. 182-183].

Заключение.

Итак, традиционная маскулинность рассматривается в виде комплекса базовых императивных требований, устанавливающих определенный образец мужского поведения.

Традиционная маскулинность формируется на стыке эссенциалистских и конструктивистских источников, предполагая, как психофизиологическую,

так и «почвенническую», то есть социокультурную основы. В то же время, значение конструктивистских влияний на маскулинность очевидно возрастает по ходу социальной и цивилизационной эволюции.

Традиционная маскулинность может принимать различные модификации в зависимости от той или иной социальной и политической среды. При этом маскулинность (мужской образец) оказывается диалектически связанной с женским началом (феминностью), соответственно воспринимая его влияния.

В историческом ракурсе, нормативы традиционной маскулинности обеспечивают устойчивость семейных институтов, содействуя решению вопросов социального воспроизводства.

Традиционная маскулинность играет фундаментальную роль в обеспечении стратегического потенциала конкретного общества, обеспечивая нужный вектор социализации количественно преобладающих гармоничных личностей. Ей присуща функция формирования социокультурного фундамента мужской идентичности с присущими ей традиционно мужскими качествами.

Императивы традиционной маскулинности, перерабатываясь определенными историческими и социальными контекстами, приобретали форму маскулинных идеологий, вариантами которых могут считаться воинские кодексы: пуштунвалай, адыгэ-хабзэ, бусидо («Путь воина»), хагакурэ («Сокрытое в листе») и пр.

На современном этапе нормативы традиционной маскулинности получают открытый жесткий вызов со стороны проекта политкорректности, а шире логики цивилизационной динамики передового западного общества, суть которого заключается в дальнейшей эмансипации и демократизации. Иллюстративно данный вызов выражает распространенный вариант современной семьи, так называемая партнерская семья, являющаяся альтернативой образцу семьи, формируемому нормативами традиционной маскулинности.

Партнерская семья предполагает весьма размытые правила и внутренние иерархии, где принципы традиционной маскулинности уже не имеют фундаментального значения или попросту выносятся за скобки.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

1. Больц Н. Размышления о неравенстве. Анти-Руссо. М. Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 270 с.
2. Булычев И.И. Гендерная структура как теоретическая проблема Журнальный клуб Интелпрос » Credo New » №1, 2008, URL: https://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_01_2008/1867-i.i.-bulychjov.-gendernaja-struktura.html дата обращения 24. 01 2026.
3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 444 с.
4. Веблен Т. Теория праздного класса М.: Прогресс. 1984. 368 с.
5. Гилмор Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности М. РОССПЭН, 2005. 264 с.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

6. Гумилев Л.Н. *Этногенез и биосфера земли*. М.: АСТ, 2021. 704 с.
7. Дэйви М. *Эволюция войн*. М.: Центрполиграф, 2009. 382 с.
8. Елишев С. Молодежь в современных политических процессах. Электронный ресурс: http://ruskline.ru/analitika/2013/10/11/molodyozh_v_sovremennyh_politicheskikh_processah/, дата обращения 17. 03. 2025.
9. Зомбарт В. *Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека*. М., 2004. 624 с.
10. Ибатуллин Т.Г. Война и плен // *Проблемы военной психологии. Хрестоматия*. Под общ. ред. А. Тараса. Минск: Харвест, 2003 – С. 523-637.
11. Ионин Л.Г. *Восстание меньшинств*. М.; СПб.: Университетская книга, 2012. 237 с.
12. Кон И. *Мужчина в меняющемся мире*. М.: Время, 2009. 496 с.
13. Костерина И.В. "Ботаники" против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности // *Неприкосновенный запас*. № 83, 3/2012. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/83_nz_3_2012/article/18779/ дата обращения 14. 11. 2024.
14. Кули Ч.Х. *Человеческая природа и социальный порядок*. М.: Идея-Пресс, 2000. 320 с.
15. Лермонтов М. Ю. *Беглец / М. Лермонтов. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени*. М.: Художественная литература. 1984. 493 с.
16. Манн М. *Источники социальной власти: в 4 т. Т.3. Глобальные империи и революция, 1890-1945 годы*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 696 с.
17. *Молодежь нашего города: субкультуры, движения, идеологии и практики (социологический путеводитель): коллективная монография / Под науч. и общ. ред. Т.А. Хагурова*. М., 2025. 197 с.
18. Мюнклер Г. *Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках* М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
19. Перес Реверте С *намерением оскорбить. Эссе*. М. Эксмо, 2005. 496 с.
20. Перес-Реверте А. *На линии огня*. М.: Иностранка, 2022. 608 с.
21. Серебрянников В.В. *Человек и война в зеркале социологии // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития*. М.: РОССПЭН, 2002 – С. 23-37.
22. Соловей В.Д. *Кровь и почва русской истории* М.: Русский мир, 2008. Электронный ресурс: https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3 дата обращения: 11. 03. 2024.
23. Тхагопсоев Х.Г. Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 2. - С. 308-321. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-308-321 EDN: GARZPG
24. Чернышева А.В., Спирюгова А.Г. *Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации // Гуманитарный вестник*, 2021, вып. 6. - С. 1-19. DOI: 10.18698/2306-8477-2021-6-754 EDN: PHOYVE
25. Чуркина Н.А. *Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика*, 2018 № 5. - С. 16-20.
- References:**
1. Bolts N. *Reflections on inequality*. Anti-Rousseau, M. Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 270 p.
2. Bulychev I.I. *Gender structure as a theoretical problem* Intelros Magazine Club " Credo New " No. 1, 2008, URL: https://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_01_2008/1867-i.i.-bulychjov-gendernaja-struktura.html date of reference 24. 01. 2026.
3. Buchanan P. J. *Death of the West*. Moscow: AST, 2003. 444 p.
4. Veblen, T. *Theory of the leisure class*, Moscow: Progress, 1984, 368 p.
5. Gilmore D. *The formation of masculinity: cultural concepts of masculinity* M. ROSSPAN, 2005. 264 p.
6. Gumilev L.N. *Ethnogenesis and the biosphere of the earth*. Moscow: AST, 2021. 704 p.
7. Davey M. *The evolution of wars*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009. 382 p.
8. Yelishev S. *Youth in modern political processes*. Electronic resource: http://ruskline.ru/analitika/2013/10/11/molodyozh_v_sovremennyh_politicheskikh_processah/, accessed 17. 03. 2025.
9. Sombart V. *Bourgeois. Studies on the history of the spiritual development of modern economic man*. Moscow, 2004. 624 p.
10. Ibatullin T.G. *War and captivity // Problems of military psychology. The textbook. Under the general editorship of A. Taras*. Minsk: Harvest, 2003– pp. 523-637.
11. Ionin L.G. *The uprising of minorities*. Moscow; St. Petersburg: University Book, 2012. 237 p.
12. Kon I. *A man in a changing world*. Moscow: Vremya, 2009. 496 p.
13. Kosterina I.V. "Nerds" against James Bond: some trends of modern masculinity // *Inviolable Reserve* No. 83, 3/2012. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/83_nz_3_2012/article/18779/ / date of issue 14. 11. 2024.
14. Kuli Ch.H. *Human nature and social order*. Moscow: Idea-Press, 2000. 320 p.
15. Lermontov M. Y. *The Fugitive / M. Lermontov. Poems. Poems. The masquerade. Hero of our time*. Moscow: Fiction. 1984. 493 p.
16. Mann M. *Sources of social power: in 4 volumes. T.3. Global empires and revolution, 1890-1945*. Moscow: Publishing House "Delo" RANHiGS, 2018. 696 p.
17. *The youth of our city: subcultures, movements, ideologies and practices (sociological guide): collective monograph / Under scientific control. and the general editorship of T.A. Khagurov*. М., 2025. 197 p.
18. Munkler G. *Fragments of war: The evolution of violence in the XX and XXI centuries*, Moscow: Kuchkovo Pole, 2018. 384 p.
19. Perez Reverte *With intent to offend. Essay*. М. Eksmo, 2005. 496 p.
20. Perez-Reverte A. *On the firing line*. Moscow: Inostroika, 2022. 608 p.
21. Serebryannikov V.V. *Man and war in the mirror of sociology // Military historical anthropology. Yearbook, 2002. Subject, tasks, development prospects*. Moscow: ROSSPEN, 2002 – pp. 23-37.

22. Solovey V.D. *The blood and soil of Russian history*. Moscow: Russkiy Mir, 2008. Electronic resource: https://www.rulit.me/books/krov-i-pochva-russkoj-istorii-read-217837-191.html#section_3 date of access: 11. 03. 2024.
23. Tkhaqopsoev H.G. *The development of genderology on ethnocultural grounds: problems and prospects* // *Polylingualism and transcultural practices*. 2022. Vol. 19. No. 2. - pp. 308-321. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-308-321 EDN: GARZPG
24. Chernysheva A.V., Spiryugova A.G. *Masculinity and femininity in modern society: trends in transformation* // *Humanitarian Bulletin*, 2021, vol. 6, pp. 1-19. DOI: 10.18698/2306-8477-2021-6-754 EDN: PHOYVE
25. Churkina N.A. *Masculinity and femininity in modern society: state, trends of transformation* // *Sociodynamics*, 2018, No. 5, pp. 16-20.

Информация об авторах.

Тамбиянц Юлиан Григорьевич, доктор философских наук, кандидат соц. наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, кафедра социологии и культурологии, профессор. E-mail: 09081969jylian@rambler.ru

Лугинина Анна Григорьевна, кандидат философских наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, кафедра социологии и культурологии, профессор. E-mail: luginina.anna8@mail.ru

Токарев Кирилл Константинович, аспирант, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, кафедра социологии и культурологии, E-mail: ktokarev1998@yandex.ru

Мосъпан Константин Анатольевич, аспирант, Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, E-mail: mosjpan_konstantin@mail.ru

Julian G. Tambiyants, Doctor of Philosophy, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Department of Sociology and Cultural Studies, Professor.

Anna G. Luginina, PhD, Associate Professor, I.T. Trublin Kuban State Agrarian University, Department of Sociology and Cultural Studies, Professor.

Kirill K. Tokarev, PhD student, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Department of Sociology and Cultural Studies.

Konstantin A. Mospan, PhD student, I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.05.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.07.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.